

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-11-34

УДК 101

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Кузин Василий Иванович,

кандидат философских наук, профессор,

ректор Новосибирского государственного театрального института,

Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Красный проспект, 171/4

ORCID: 0000-0001-7860-7927

v.i.kuzin@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена традиционной теме – самоопределению философии. Автор выявляет специфику философии, сопоставляя ее с другими областями духовной культуры – религией, искусством и наукой. Единным основанием для сравнения выбрана их способность преодолевать человеческие страдания. Различаются же названные области тем, что каждая из них помогает преодолевать страдания своим особым образом. Для науки главное средство решения жизненных проблем – это *знание*, для религии *вера*, для искусства – *воображение*, а для философии – *понимание*.

Понимание в настоящей статье рассматривается как движение к ясному знанию, к *мысли* и одновременно – как результат такого движения, как достигнутый смысл. Понятным для нас представляется знание, облеченное в определенные – культурно заданные – формы. Основные формы, модели понимания мы черпаем из наших естественных языков. Формы суждений, культурные универсалии, базовые теории также задают нам модели понимания. Среди множества форм понимания важную роль играют те формы и модели, которые кристаллизуются в основных *философских категориях*, таких как «сущность», «целое», «общее», «причина», «цель» и др.

Особенностью философского мышления является то, что понимание в нем выступает не как средство для дальнейшего применения, а как непосредственное действие, практика. Достигнутое понимание само по себе устраняет страдание и разрешает жизненные трудности. В этом смысле философия в целом трактуется автором не как теория, а как практическое упражнение, имеющее целью сделать человеческую жизнь более счастливой.

По мнению автора, описанные четыре пути преодоления страданий являются идеальными типами». В своих исторических практиках наука, религия, искусство и философия, с одной стороны, всегда характеризуются той или иной степенью синкретизма. С другой стороны, нередки случаи, когда «официальная рубрика» той или иной сферы культуры и ее содержание не совпадают: например, под названием «религия» практикуется фи-

Философия, под названием «философия» осуществляется научное исследование, а под названием «наука» творится искусство.

Ключевые слова: философия, наука, религия, искусство, понимание, вера, воображение, философские категории, смысл.

Библиографическое описание для цитирования:

Кузин В.И. Что такое философия? // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 1, ч. 1. – С. 11–34. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-11-34.

На протяжении двух с половиной тысяч лет западной истории объяснение того, чем же занимается философия, остается одним из традиционных занятий. Что ж, внесем и мы «свой бедный лепт» в дело истолкования философии.

Философию чаще всего определяют либо через то, *что* она изучает (объект, предмет), либо через задачи и предполагаемые *результаты*, к которым она должна прийти посредством изучения. Примеры определений философии через изучаемые объекты: философия – это познание универсума, мира в целом; исследование познавательных способностей человека; учение об отношении человека к миру; вопрошание о бытии сущего; самопознание человеческого духа, логический анализ языка. Есть и другие определения в этом ряду. Через задачи и результаты философия определяется так: философия – это обретение жизненной мудрости; наука о наиболее общих законах природы общества и мышления; обобщение результатов наук; поиск первопричин и первоначал; открытие смысла мира и жизни... Во многих определениях описанные два подхода соединяются. Наша трактовка философии принадлежит ко второй группе определений.

При взгляде на такое разнообразие определений и мнений возникает соблазн признать правоту Виндельбанда, который более 100 лет назад написал: «Названия имеют свою судьбу, но редкое из них имело судьбу столь странную, как слово “философия”. Если мы обратимся к истории с вопросом о том, что, собственно, есть философия, и справимся у людей, которых называли и теперь еще называют философами, об их воззрениях на предмет их занятий, то мы получим самые разнообразные и бесконечно далеко отстоящие друг от друга ответы; так что попытка выразить это пестрое многообразие в одной простой формуле и подвести всю эту неопределенную массу явлений под единое понятие была бы делом совершенно безнадежным» [5, с. 22].

Возможно, поэтому Делез и Гваттари часто предпочитают говорить о философии лишь апофатически: «Философия – не созерцание, так как созерцания суть сами же вещи, рассматриваемые в ходе творения соответствующих концептов. Философия – не рефлексия, так как никому не нуж-

на философия, чтобы о чем-то размышлять; объявляя философию искусством размышления, ее скорее умаляют, чем возвышают, ибо чистые математики вовсе не дожидались философии, чтобы размышлять о математике, как и художники – о живописи или музыке; говорить же, будто при этом они становятся философами, – скверная шутка, настолько неотъемлемо их рефлексия принадлежит их собственному творчеству. Философия не обретает окончательного прибежища и в коммуникации, которая потенциально работает только с мнениями, дабы сотворить в итоге “консенсус”, а не концепт» [7, с. 15].

Несмотря на скептический настрой многих авторитетных мыслителей, мы тем не менее рискуем предложить свой вариант идентификации философии. Наш первый тезис заключается в том, что философия не ограничена каким-либо объектом или предметом исследования. То есть философски можно мыслить обо всем: философское мышление простирается от мира в целом до отдельного микроскопического существа, от вселенских процессов до самых незначительных событий нашей собственной жизни. Второй тезис сводится к следующему: хотя результаты философского мышления внешне очень отличаются друг от друга, тем не менее они могут быть подведены под общую рубрику, название которой мы объявим чуть позже.

Попробуем сначала определить философию посредством выяснения особенностей *философского* мышления. Мы говорим о философском мышлении, и этим предполагается, что есть и нефилософское мышление, что вообще есть другие виды мышления. Прежде чем их назвать, укажем, что мы вкладываем в понятие «мышление». Мы базируемся здесь на декартовском истолковании мышления: «Под именем “cogitatio” я понимаю всё то, что для нас, сознающих притом самих себя, в нас происходит, насколько мы об этом в нас имеем сопутствующее знание. Так что не только познание, воление, воображение, но также ощущение здесь то же самое, что мы именуем cogitare» [цит. по: 17, с. 125]. То есть мышление – это не только сознательно-рассудочная деятельность. Оно включает всю нашу психическую деятельность, которая так или иначе нами осознается.

Чтобы зафиксировать отличительные особенности именно философского мышления, мы рассмотрим его в сопоставлении с мышлением научным, религиозным и художественным. Следует признать, что на протяжении всего своего существования философия часто считалась и считается наукой. Степень отождествления философии и науки менялась, но сам принцип сохраняется до наших дней. Так, например, Т. Уильямсон в работе «Философия философии» (которая получила много откликов) пишет, что «главная тема этой книги заключается в том, что различия в предмете между философией и другими науками также менее глубоки, чем ча-

сто предполагается» [22, р. 3]. Он продолжает: «...Поскольку философские способы мышления не отличаются по своему характеру от других способов, в равной степени неудивительно, что философские вопросы не отличаются по своему характеру от других вопросов» [22, р. 4].

Если же авторы стремятся зафиксировать специфику философии, то они, как правило, делают это опять-таки исключительно в сравнении с наукой. Т. Меткалф начинает свою статью о сопоставлении философии и науки с простого утверждения: «Философия и наука – это два способа познания самих себя и окружающего мира» [20]. И продолжает: «Виды тем, изучаемых на уроках философии, в целом можно определить, противопоставив их темам и методам естественных и социальных наук» [20]. При этом философия не менее традиционно трактуется в качестве подготовительной ступени к науке в той или иной области исследования: «Когда тема становится поддающейся строгому эмпирическому изучению, она, как правило, “передается на аутсорсинг” в свою собственную область и больше не описывается в наши дни как “философия”» [21].

Мы же полагаем, что, во-первых, философия потому и остается философией, что она – не наука. А во-вторых, для выявления специфики философии может оказаться продуктивным ее рассмотрение в более широком кругу культурных областей, а именно: науки, религии и искусства.

Хайдеггер в «Основных понятиях метафизики» пишет, что сравнение философии с религией, искусством и наукой не позволяет увидеть саму философию, если только мы заранее ее уже не видели, заранее не знаем, что она собой представляет¹. Согласимся, что философию действительно нельзя *увидеть* на пути сравнения с религией, искусством и наукой. Но *показать* ее на этом пути, на наш взгляд, вполне возможно.

Чтобы различить философию, религию, искусство и науку, мы вначале зафиксируем их сходство. Философия, религия, наука и искусство *сходны* в том, что, во-первых, все они представляют собой различные способы, какими человек решает жизненные проблемы, преодолевает страдания. Во-вторых, они являются источниками удовольствия, радости, наслаждения. Эти две задачи призваны сделать человеческую жизнь более легкой, привлекательной и даже счастливой.

В настоящей статье мы рассмотрим первый из названных аспектов – *философию как путь преодоления человеческих страданий*. Мы оставляем для рассмотрения в будущих статьях такие аспекты философии, как, например, «свободная игра творческих сил» человека, или как «рефлексия высоко-

¹ Хайдеггер спрашивает и отвечает: «Стало быть, мы сумеем обходным путем через искусство и религию уловить философию в ее существо? Но не говоря даже о всех трудностях, которые сулит подобный путь, мы посредством новых сравнений опять не схватим существо философии – сколь ни близко соседствуют с ней искусство и религия, – если прежде уже не увидим это существо в лицо» [18, с. 25].

го порядка», или как «интеллектуальное развлечение», «решение головоломок» и т. д.

Страдания мы понимаем широко. Они включают весь спектр негативных переживаний человека: от физической боли до утонченных мук совести. Многие из тех, кто задумывался над судьбами человека и человечества, склонялись к признанию, что жизнь человека по большей части наполнена страданиями, скорбями и печалью. Страдание в качестве основной характеристики жизни наиболее последовательно принимается в буддизме. В западной философской традиции очень близка к буддизму позиция античных киников, а в Новое время учение о страдании образует краеугольный камень философии Шопенгауэра.

Ситуация страдания – это дисгармония мира и человека, несовпадение наших желаний и состояния дел в мире. Именно *желания* считаются главной причиной страданий у буддистов, киников и последователей Шопенгауэра. Человек страдает, с одной стороны, от отсутствия того, чего он хочет. С другой стороны, человек страдает от наличия того, чего он не хочет. В первом случае обычно говорят о страдании от *неосуществленного желания*, а во втором – о страдании от *свершившегося несчастья*.

Страдания преодолеваются прежде всего *изменением ситуации* страдания, т. е. практическим преобразованием мира (включая и самого страдающего человека). Кроме этого, страдания преодолеваются *изменением осознания страдания*, которое происходит либо путем отвлечения, либо посредством переосмысления.

Практическое изменение мира представляется сегодня основным способом, которым человек и человечество уменьшают тяготы и страдания жизни. Эпикур когда-то утверждал: «Голос плоти – не голодать, не жажда, не зябнуть. У кого есть это и кто надеется иметь это и в будущем, тот даже с Зевсом может поспорить о счастье» [2, с. 359]. Огромное число людей сегодня уже не испытывают мук голода, жажды, холода. Чтобы достичь всего этого, людям понадобилась сила, способная радикально изменять мир. Силой, благодаря которой многократно возросли человеческие возможности преобразовывать мир, является *знание*. Причем здесь мы имеем в виду знание совершенно определенного рода. Это знание имеет практический, *прагматический* характер (от греч. *фрагма* – действие). Именно такое знание имел в виду Ф. Бэкон, утверждая: «Знание – сила». Прагматическим мы называем то знание, которое непосредственно используем в действии, в работе. В противоположность ему есть огромное количество знаний, которые мы никогда не применяем. Для таких знаний нет общепринятого названия. Часто их называют «спекулятивными», «схоластическими», а также «теоретическими», «абстрактными» и т. п.

Основной объем прагматических знаний на протяжении вот уже нескольких столетий производится в сфере науки. Поэтому данный способ преодоления страданий можно обозначить как «путь науки».

Для преобразования мира человек, помимо знания, может обратиться за помощью и к другой – *высшей* – силе. Великаны, демоны, духи, боги испокон веку были соратниками или противниками человека. Их мощь и возможности значительно превосходят человеческие ресурсы, а у Бога монотеистических религий вообще достигают абсолютных масштабов. Чтобы использовать силу языческих богов, человек пользовался *магией*, которая в этом смысле тоже является *знанием*, заставляющим богов действовать в соответствии с потребностями мага, жреца. А вот чтобы «подключиться» к абсолютной божественной силе, человеку необходима *вера*. Ведь всё, что может сделать Бог, может сделать и верующий в него: «Ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф 17: 20). Отметим, что при всей привлекательности и кажущейся легкости путь веры не так прост для применения. Потому что вера, во-первых, базируется на человеческой убежденности в возможности чуда, нарушающего законы природы. А во-вторых, вера – это способность принимать за истину абсурдное, противоречивое, то, что противно нашему разуму. Поэтому, как признавал Кьеркегор, «умникам» так трудно верить в Бога.

Вера не исчерпывает собой содержание тех или иных религий, но занимает в них очень важное место. Поэтому второй способ преодоления страдания мы называем «путем религии».

Если человеку не удастся изменить ситуацию страдания, он может от страдания *отвлечься*. Конечно, отвлечение само по себе не решает проблем – ситуация страдания остается прежней. Но отвлечение удаляет страдание из сознания человека и тем самым на время освобождает его от мучений. И зачастую после этого страдание уменьшается просто потому, что «время лечит». Отвлечение базируется на важнейшей характеристике нашего сознания – его *интенциональности*. Наше бодрствующее сознание всегда *направлено*. Более того, в соответствии с открытием Гуссерля оно всегда направлено на *что-то*. Направленность сознания предполагает, что человек сам выбирает «вектор» своего внимания, и делает это более или менее произвольно. Направленность внимания на *что-то* означает, что объекты нашего восприятия и мышления не присутствуют в сознании все одновременно. Присутствие в сознании одного объекта исключает или, по крайней мере, затрудняет присутствие другого.

Овидий в своем практическом руководстве «Лекарство от любви» рекомендует влюбленному, страдающему от несчастной любви: займись делом, обрати свое внимание на житейские заботы, т. е. переключи свое вни-

мание на что-то другое, нежели твоя несчастная любовь. Подчеркнем, что страдающему человеку не столь существенны те или иные занятия сами по себе, сколь важно то, что они способны отвлечь его от чувств и мыслей, заполняющих его сознание. Людями постоянно изобретаются новые искусственные объекты отвлечения. Среди этих изобретений Хейзинга называет две базовые формы, характерные для всех культур, – это состязания и зрелища. Состязания и зрелища легко соединяются, например, в спортивной шоу-индустрии или различного рода художественных конкурсах и фестивалях. Сегодня они образуют значительную часть индустрии развлечений.

Для созидания новых объектов отвлечения человеку, помимо интенциональности, необходима еще одна важнейшая способность – *воображение*². Результатом действия воображения становится воображаемая реальность, которая часто превосходит обычную жизненную реальность по силе и возможностям увлечения и отвлечения. Это неудивительно, так как воображаемая реальность целенаправленно формируется для того, чтобы отвлечь человека от реальных жизненных страданий.

Специализированная сфера жизни общества, в которой происходит отвлечение людей от повседневных проблем и невзгод, – это искусство. Поэтому третий способ преодоления страданий – это «путь искусства».

Помимо преобразования ситуации страдания и отвлечения от нее, человек может осмыслить страдание, как-то истолковать его и *понять*, придать ему *смысл*. Смысл относится к сфере мышления, мысли. Он часто присутствует в событиях, вещах, текстах, разговорах, произведениях искусства *невным образом*. Смысл – то, что кроется за видимостью. Виктор Франкл, в учении которого понятие «смысла» играет очень важную роль, так определяет его содержание: «Смысл – это то, что имеется в виду: человеком, который задает вопрос, или ситуацией, которая тоже подразумевает вопрос, требующий ответа» [16, с. 137]. Итак, смысл надо искать, открывать. Поиск и обнаружение смысла есть *понимание*³. Смысл – слово многозначное, его значения зависят от контекстов употребления. Но мы полагаем, что основные направления, векторы поиска смысла – это *необходимость* и *значение*.

² Романтики считали, что именно воображение, а не разум является главной способностью человека. А сегодня многие ученые полагают, что воображение можно назвать главной отличительной характеристикой человека как вида. Например, Ю.Н. Харари утверждает, что *Homo sapiens* выиграл конкурентную борьбу в другими видами *homo* благодаря умению говорить о несуществующих вещах: «Насколько нам известно, только сапиенсы умеют обсуждать вещи гипотетические и даже противоречащие фактам. ... только *Homo sapiens* умеет говорить о несуществующем в реальности...» [19, с. 35].

³ Особенность русских слов, оканчивающихся на *-ание*, или *-ение*, заключается в том, что они называют и какой-то процесс, и результаты этого процесса. Поэтому понимание *как процесс* есть поиск смысла, движение к смыслу, а понимание *как результат* есть обретенный, достигнутый смысл.

Каким образом *понимание* помогает человеку вынести удары судьбы? Один из эффективных способов – это осознание *необходимости* произошедшего события. Знатоками человеческих душ давно замечено, что наши бедствия усугубляются, если в ситуации страдания мы думаем, что *всё могло быть иначе*. Напротив, убеждение в том, что *иначе и быть не могло*, позволяет нам легче перенести несчастье. Например, переживания человека по поводу кончины кого-либо из его близких мы пытаемся смягчить сентенциями вроде следующих: «все люди смертны», «все под богом ходим», «все там будем» и т. п. Указывая на всеобщий характер несчастья, мы подчеркиваем его неизбежность и, следовательно, необходимость⁴. Причем признание неотвратимости событий помогает человеку преодолеть страдания как прошлого, так и будущего. *Фатализм* – это очень распространенная и эффективная стратегия преодоления страданий.

Другая возможность справиться с несчастьем – это осознать *значение* несчастья. Вспомните, что даже саму ситуацию непонимания мы часто выражаем в вопросе: «Что бы это значило?» Находя значения, мы тем самым уже изменяем наши несчастья и, соответственно, иначе относимся к ним – легче их переживаем. Например, несчастья человека или даже целого народа часто истолковываются и оцениваются как божественная *кара за грехи*. И людям, которые принимают такое значение своих бедствий, живется легче, хоть это и может показаться странным для того, кто не включен в соответствующую религиозную практику. Осмысленность страдания уменьшает его.

Чтобы избежать страданий, которые причиняют нам наши неосуществленные желания, многие философские школы советовали отказаться от желаний добровольно. Чем меньше желаний, тем меньше страданий. К этому призывали стоики на Западе и буддисты на Востоке. Однако самоотречение легче провозгласить, чем реально исполнить. Добровольный отказ от желаемого причиняет не меньшие страдания, чем внешние препятствия. Чтобы самоотречение удалось, человеку нужны инструменты для этого, нужна подготовка. Здесь тоже помогает постижение значения того, что происходит с нами: ведь наши желания *на самом деле* не таковы, какими кажутся. За внешней и обманчивой видимостью нам следует искать смысл и самих наших желаний, и объектов наших желаний. Обнаружение значений смягчает страдание от требуемого отказа, уменьшает горечь самоотречения. Например, чтобы заниматься каким-то делом, человеку часто необ-

⁴ Ср. у Шекспира:

«Король:

Приятно видеть и похвально, Гамлет,

Как отдаешь ты горький долг отцу.

Но твой отец и сам отца утратил,

И так же тот. <...>

«Так быть должно!»

(Шекспир У. Гамлет. Акт 1, сцена 2.)

ходимо считать его важным и нужным, в общем, – *хорошим*. И наоборот, чтобы отказаться от дела, поступка, вещи, достаточно бывает считать это плохим, некрасивым, ненужным. А свои желания по отношению к этой вещи или делу следует расценить как глупые, греховные, вредные и т. п.

Делом интерпретации мира и жизни заняты философы. Поэтому четвертый способ преодоления страданий будет «путем философии».

Мы наметили четыре пути, следуя которыми человек преодолевает страдания своей жизни: 1) практическое переустройство мира своими (человеческими) силами; 2) практическое переустройство мира с помощью сверхъестественных сил; 3) отвлечение от несчастий; 4) придание страданиям смысла. Для движения по каждому из путей человеку, как мы говорили, нужны соответствующие средства. Для первого пути нужны знания, для второго – вера, для третьего – воображение, для четвертого – понимание.

Применение тех или иных средств определяет и направленность мышления. Научное мышление продуцирует прагматическое знание. Художественное мышление творит воображаемые миры. Религиозное мышление ищет веры как действенной связи человека и Бога. (В этом смысле вера обычно не образует начало религиозной жизни индивида. Скорее, обретение веры есть *цель* религиозной жизни – то, чего еще надо достичь⁵). Содержанием и целью философского мышления является достижение понимания. А достигнутое понимание и будет результатом философствования. На основе каждого из этих видов мышления на определенном этапе жизни той или иной культуры (как социального сверхорганизма) возникают специализированные сферы: религия, искусство, философия, наука.

Поскольку в этой статье мы предметно рассматриваем *философию* как путь преодоления человеческих страданий, то немного задержим внимание на главном занятии философов – понимании. Существует большое количество определений «понимания», и поэтому содержательный разговор о понимании возможен лишь в рамках того или иного контекста. Соответственно, «понимание» относится, на наш взгляд, к понятиям семейного сходства. Вспомним «завет» Л. Витгенштейна, касающийся понимания: «Не думай вовсе о понимании как об “умственном процессе”! – Ибо это лишь оборот речи, который тебя сбивает с толку. А спроси себя, в каком случае, при каких обстоятельствах мы говорим: “Теперь я знаю, как продолжить”, когда мне пришла в голову формула. В том смысле, в каком существуют характерные для понимания процессы (включая душевные процессы), понимание не есть душевный процесс» [6, с. 141]. Мы даже радикализируем позицию Витгенштейна. Мы не только не будем думать

⁵ Кьеркегор пишет: «В прежние времена все обстояло по-иному, так как вера составляла задачу всей жизни, ибо люди полагали, что способность верить не может быть обретена за считанные дни и недели. И когда почтенный старец, убеленный сединами, приближался к концу своей жизни, оказывалось, что он выиграл прекрасную битву и обрел веру...» [8, с. 9].

о понимании как об «умственном или душевном процессе», мы также не будем думать о понимании как о каком-то *единственном* процессе, как об одной и той же «вещи». Скорее, объектом нашего рассмотрения должны стать *ситуации* употребления слова «понимание».

Таких ситуаций понимания или непонимания существует довольно много. Каждый может их обнаружить в собственной коммуникативной практике. Кроме того, различные ситуации понимания описаны в философии, герменевтике, филологии, искусствознании и т. д. Множество ситуаций понимания можно разделить на три большие группы, которые можно также называть основными *контекстами понимания*. К этим контекстам относятся: понимание как характеристика *знания*; понимание как характеристика *действия*; понимание как характеристика *взаимодействия*. В предлагаемой статье мы рассуждаем о понимании только в рамках первого контекста, т. е. рассматриваем его как характеристику знания. Тем самым мы признаем, что может существовать знание понятное и знание непонятное.

Понятным⁶ нам представляется то знание, которое соответствует определенным заданным формам. А понимание в этом аспекте – это процесс достижения искомой формы знания. Иначе говоря, формы понимания – это абстрактные общие схемы для конкретного знания. Формы понимания мы называем также *моделями*, схемами понимания. Существует множество моделей, схем понимания. Например, в герменевтических исследованиях одной из основных форм понятного знания всегда считалось согласование целого и частей. Взаимные переходы от частей к целому и обратно – это главное содержание фигуры *герменевтического круга*.

Главным источником моделей понимания служит, на наш взгляд, сам язык, его *структура*. Модели понимания задаются также формами мышления, формами суждений, культурными универсалиями, парадигмальными теориями и т. д. В частности, мы полагаем, что многие общие формы понимания кристаллизуются в *философских категориях*. Например, Ницше при описании форм «нигилизма как психологического состояния» называет три вида смысла: *цель, единство, бытие*. При этом, хотя Ницше не стремится здесь к исчерпывающему перечню, он дает нам направление дальнейшего поиска видов смысла и понимания, ибо он называет цель, единство, бытие «категориями разума»⁷.

Исторически первый перечень категорий мы находим в различных сочинениях Аристотеля. Аристотелевские категории: субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие

⁶ Для Декарта *понятность* знания выражается в таких его характеристиках, как *ясное* и *отчетливое* знание.

⁷ Ницше называет категории в контексте определения причин нигилизма: «Результат: *вера в категории разума есть* причина нигилизма, – мы измеряли ценность мира категориями, которые *относятся к чисто вымышленному миру*» [9, с. 41].

и страдание – это модели, по которым описывается мир. Мир, упорядоченный по категориям, становится понятным. Сами эти категории в значительной степени взяты из структуры языка. Первую *систему* категорий мы находим у Канта. Кант полагал, что философские категории могут быть выведены из таблицы суждений. Разделив все суждения на четыре класса, он поставил им в соответствие четыре группы категорий: категории количества, категории качества, категории отношений и категории модальности. В философии Канта категории являются важнейшей частью структуры *трансцендентального субъекта*, структуры познавательных способностей человека. Трансцендентальный подход заключается в том, что формы мышления человека существуют *a priori*, они предшествуют процессу познания мира и определяют это познание.

Собственную оригинальную структуру категорий трансцендентального субъекта описывает В.В. Розанов в своей книге «О понимании». По мнению мыслителя, целостное познание осуществляется тогда, когда относительно какого-либо познаваемого сущего человек отвечает на вопросы о его существовании, сущности, причинности, цели, сходстве и различии, числе⁸. Для нас принципиально важно, что Розанов прямо объявляет категории «схемами понимания»: «Этих схем понимания, присущих разуму и обнимающих собою стороны космоса, шесть: 1) *схема природы*, соответствующая сущности космоса и вещей в нем, которая стремится и способна понять: “что есть все?” или “из чего все и каково его строение?”; 2) *схема атрибутов*, соответствующая свойствам космоса и вещей в нем, которая стремится и способна понять: “каково все?”; 3) *схема причинности*, соответствующая производящему в космосе, которая стремится и способна понять: “почему все?”; 4) *схема целесообразности*, соответствующая производимому в космосе, которая стремится и способна понять: “для чего все?”; 5) *схема сходства и различия*, соответствующая *родам и видам* вещей в космосе, которая стремится и способна образовать классификацию мира, поняв единое в различном и различие в едином, и 6) *схема чисел*, обнимающая *количественную сторону* космоса» [10, с. 52].

На наш взгляд, в качестве моделей понимания философами наиболее часто используются следующие категории: сущность, значение, причина, цель, целое, общее. Тот или иной автор обычно акцентирует внимание на одной модели понимания и ставит ее в центр всей философской деятельности. Тогда и возникают распространенные определения философии: «философия – это истина о мире в *целом*», «философия – это исследование *причин*», «философия – это познание *сущностей*» и т. д. Мы видим,

⁸ Розанов категоричен: «Человек, правда, познает различные вещи, но в этих вещах он познает всегда только существование, только сущность, только причинность, только цель, только сходство и различие, только число» [10, с. 42].

что все эти определения объединяются в трактовке философии как *понимающего мышления*.

Будучи *моделями* понимания, категории представляют собой не единицу, а пару. Модель всегда содержит два полюса, движение между которыми, собственно, и есть процесс понимания. Для названных выше категорий парными категориями традиционно считаются: «сущность – явление», «значение – знак»; «причина – следствие»; «цель – действие»; «целое – часть»; «общее – частное». Биполярные модели легко превращаются в триады. И речь идет не только о гегелевских триадах или менее известных – кантовских. Дело в том, что поскольку два полюса каждой модели связаны между собой, постольку сама эта связь может рассматриваться как отдельная категория. Эта посредствующая категория тогда рассматривается либо в качестве *перехода*, либо в качестве *синтеза*.

Действительно ли понимание является специфическим достоянием философии? Разве оно не присутствует также в науке, религии, искусстве? – Да, мы полагаем, что понимание – отличительное содержание философии, и вот почему. Во-первых, там, где наука, религия и искусство могут обойтись без понимания, они вполне без него обходятся. А главное, в этих областях культуры понимание выступает *средством*, а не целью.

Так, вера (в принятой нами интерпретации) по сути своей противоположна разуму и пониманию. Вера – это принятие чуда, парадокса. Вера – это почти в буквальном значении *нонсенс*. И если мы посмотрим на ту часть содержания религий, которая не является чисто философской, то обнаружим, что отказ от понимания, от разума здесь провозглашается открыто⁹.

Что касается определения религиозных целей, то разные религии различно отвечают на этот вопрос. Причем иногда они дают прямо противоположные ответы. Например, конечной целью даосов является способность не умирать, конечной целью буддистов – желание не рождаться. А последователям христианства и ислама относительно безразличны перипетии их физического тела, зато тем важнее становится для них спасение и бессмертие души. Для всех названных целей понимание в лучшем случае может быть лишь *средством*. Например, в христианской традиции

⁹ Например, первоначальное христианство утверждает себя в качестве позиции, противоположной человеческому разуму и пониманию. Апостол Павел пишет: «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых...» (1 Кор. 1:26), «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор.3:19). И еще: «Ибо написано: “погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну”» (1 Кор.1:19).

Выдающийся мыслитель первых веков христианства Тертуллиан полностью согласен с апостолом Павлом в том, что истина христианства не постигается в разумном понимании, а полна противоречий и парадоксов: «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» [13, с. 166].

подчиненное положение понимания по отношению к вере выразилось в известной средневековой формуле: философия – служанка богословия. Справедливости ради следует отметить, что соотношение веры, знания, понимания не остается неизменным, и порою богословие оказывается служанкой философии¹⁰.

Понимание, несомненно, наличествует и в науке. Причем из двух описанных нами групп смыслов (постижение *необходимости* и оценка *значений*) в науке преобладает первая группа – постижение необходимости. Открывая и описывая закономерности, наука фиксирует необходимость, царящую в мире. В этом отношении формулировки научных законов гораздо более строги, нежели формулировки законов философских. Следовательно, научная необходимость – гораздо более суровая, чем необходимость, открываемая философией. Поэтому наука может дать даже большее удовлетворение человеку, который ищет необходимость, царящую в мире. Действительно может. Но всё же это – не ее цель. Основная характеристика современного (новоевропейского) научного знания – это прагматичность, или практическая применимость. Главными средствами, которые выработала наука для повышения прагматичности знания, служат эмпирическая подтверждаемость и математическая форма. Этой же цели служат и дополнительные характеристики научного знания: полнота, систематичность, непротиворечивость и т. п. Мы здесь говорим в первую очередь о новоевропейской науке, которая, как предвидел Декарт, даст человеку власть над миром: «Потом мы таким же путем сможем реализовать и применить эти знания для всех назначений, для каких они пригодны, и таким образом эти знания (новые способы представления) сделают нас хозяевами и обладателями природы» (цит. по [17, с. 142]). Научные знания могут быть понятными, а могут не быть таковыми, главное, чтобы они были действенными¹¹.

В искусстве понимание тоже не выступает в качестве цели. Первая задача искусства, как мы полагаем, – увлечь человека воображаемой реальностью. Поэтому художники в основном и занимаются созданием воображаемых, иллюзорных миров. Иллюзия в науке – синоним заблуждения, и она оценивается в целом отрицательно. Иллюзия в искусстве – синоним творчества, фантазии, и она оценивается положительно. Фрейд считал искусство *компенсацией* – иллюзорным удовлетворением тех желаний и влечений человека, которые по разным причинам не могут удовлетвориться в жизни. Фрейд

¹⁰ Средневековые формулы «верую, чтобы понимать» и «понимаю, чтобы верить», дополненные различными вариантами «теории двойственной истины», показывают диапазон трактовок проблемы соотношения веры и понимания.

¹¹ Вопрос о понимании в науке и в философии осложняется еще и тем фактом, что греки, как полагает, например, Виндельбанд, называли «философией» то, что мы сегодня называем «наукой». А греческая философия до сих пор для многих мыслителей остается образцом философии вообще.

называет такое удовлетворение иллюзорным не потому, что оно – ошибка или заблуждение, а потому, что оно достигается посредством иллюзорной реальности. Само же удовлетворение – совершенно настоящее.

В какой степени восприятие искусства требует его понимания? – Эта степень значительно варьируется в зависимости от *способа восприятия искусства*. Мы предлагаем различать три таких способа: 1) безусловно-рефлекторный; 2) условно-рефлекторный и 3) рефлексивный. Для рефлексивного способа восприятия понимание является обязательным, для условно-рефлекторного – желательным, а для безусловно-рефлекторного – излишним.

В искусстве понимание не только не является целью, обязательным атрибутом, но в ряде направлений искусства понимание вообще сознательно отвергается. Например, в сюрреализме, концептуальной базой для которого служит теория *бессознательного* Фрейда. Но задолго до Фрейда и «Манифеста сюрреализма» многие художники и теоретики искусства (со времен Платона) утверждали: творчество часто связано с «божественной одержимостью», т. е. с отказом от рассудочного понимания в пользу интуиции, вдохновения¹². С другой стороны, есть виды искусства, где понимание, интерпретация играют важнейшую роль. Это – исполнительские искусства, в первую очередь режиссерское и актерское творчество в театре и кино, а также творчество музыканта-исполнителя¹³. Деятельность этих художников, будучи в значительной мере понимающей, истолковывающей, оказывается, по существу, философской работой.

* * *

Суждение о том, что именно понимание составляет суть философствования, разделялось многими мыслителями. Хайдеггер утверждает понимание в качестве основного определения человеческого бытия, а герменевтику считает «фундаментальной онтологией». Одно из наиболее радикальных выражений значимости понимания для философии мы находим у Витгенштейна: «Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии не “философские предложения”, а достигнутая ясность предложений. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» [6, с. 24]. В иной традиции Бердяев тоже говорит о постижении смысла

¹² Итогом книги К.С. Станиславского «Работа актера над собой в творческом процессе переживания» стала формула: «*Через сознательную психотехнику артиста – подсознательное творчество органической природы*» [12, с. 459]. Обратим внимание, что сознательная психотехника здесь – средство, а подсознательное творчество – цель.

¹³ Имеются в виду те формы музыкального и театрального искусства, где есть предмет интерпретации – завершенный композиторский или литературный опус.

как о главной задаче философии: «Науки имеют дело с частичной отвлеченной действительностью [...], ими не постигается смысл мира» [3, с. 23].

Но действительно ли понимание в философии есть нечто самодостаточное? Сравним научное знание и философское понимание. В том и в другом случае речь идет о работе мышления и о результатах этой работы. В чем же различие? Научное знание должно быть сначала открыто, зафиксировано, а затем – использовано. То есть научные знания должны быть *практически применены*, воплощены в *технику*, с помощью которой затем уже и решаются какие-то проблемы. Поэтому, как утверждает Маркс, именно практика есть критерий истины в науке. А Рорти (несколько иронично, но вполне соответствуя Марксу) формулирует мысль о том, что «истинность», «соответствие миру» – это комплименты, им мы награждаем те знания, которые *работают*¹⁴. При этом мы легко можем представить себе научное знание, записанное в книгах или даже присутствующее в голове ученого, которое *не применяется*.

В этом отношении философское знание противоположно научному – его не нужно *применять*. Получив научное знание, затем *надо что-то делать*. Достигнув философского понимания, больше *ничего делать не надо*. Пониманием уже всё сделано¹⁵. Самым уместным здесь оказывается главное слово Лао-Цзы – «недеяние»: «Вот и я обладаю знанием того, что польза проистекает из недеяния. Бессловесное учение, польза недеяния – о, как мало в Поднебесной людей, которые могут этого достичь!» [15, с. 230].

Философское понимание не нужно применять, потому что оно само уже есть действие. Так, Хайдеггер полагает, что философия – это не столько теория, сколько практика: «Мыслящее знание имеет последствием практическое поведение не только в порядке следствия из якобы просто “абстрактного учения”. Мыслящее знание есть в себе *поведение...*» [17, с. 68]. И здесь великий философ XX века просто присоединяется к многовековой традиции: уже античные философы многократно повторяли, что философия – это *образ жизни*, причем самый лучший образ жизни, а именно – тот, что ведет к счастью.

Для придания весомости тезису о том, что философия – это практика, приведем еще две ссылки «на авторитеты». Сначала – мнение выдающегося исследователя Пьера Адо о западной философии: «Стоики, например, прямо и открыто заявляют об этом: для них философия есть “упражнение”. В их глазах философия заключается не в преподавании абстрактной

¹⁴ «Заявить, что словарь Фрейда правильно схватывает истину о человеческой природе, а словарь Ньютона ухватывает истину о небесах – еще не значит объяснить что-то. Это просто пустой комплимент, которым традиционно платят писателям, новый жаргон которых пригодился нам» [11, с. 28].

¹⁵ Негативная сторона этой «ненадобности» действовать заключается в том, что она связана с *отказом* от неосуществленных желаний и примирением с неизбежной судьбой.

теории, и еще меньше в экзегезе текстов, а в искусстве жизни, в конкретной установке, в сообразном стиле жизни, затрагивающем всё существование. Философский акт располагается не только в порядке познания, но также в порядке “самости” и бытия: это прогресс, заставляющий нас *быть* больше, делающий нас лучше» [1, с. 23, 24]. А вот характеристика, данная Евгением Торчиновым восточной философии: «Во-первых, буддийская философия никогда не была чисто умозрительной дисциплиной, направленной на поиск истины, ценной как таковая. Буддийская философия была органической частью буддийского “проекта”, направленного на трансформацию личности и “преобразование” человека из страдающего сансарического существа, управляемого аффектами и влечениями, в свободное и “исцеленное” от страданий, пробужденное (просветленное) существо» [14, с. 109].

Такое различие науки и философии нельзя назвать преобладающим или господствующим ни в истории мысли, ни в современности. В сегодняшней философской культуре по-прежнему часто сохраняет силу противопоставление философии и науки по преобладанию априорных или апостериорных методов исследования¹⁶. При этом главным методом философии объявляется аргументация, рациональное обоснование выводов¹⁷, а возможность прогресса в философии всё еще связывается с традиционной надеждой повысить точность и строгость философской аргументации¹⁸. Мы солидаризируемся с теми мыслителями, которые считают логические доказательства основной формой философской работы *лишь в рамках той или иной принятой философской парадигмы* (аналог «нормальной науки» у Т. Куна). Что же касается новых философских интерпретаций мира, то они (как и «революционная наука») не создаются рациональными аргументами¹⁹.

Разумеется, было бы наивно утверждать, что всё известное под именем «философия» является лишь «искусством жизни» или хотя бы сводится исключительно к жизненной мудрости. Однако, на наш взгляд, истолкование философии в качестве практики не так уж произвольно и субъективно. Для пояснения вспомним одну мысль Ортеги-и-Гассета.

¹⁶ «Не пытаясь точно определить термины, мы можем в первом приближении выразить разницу следующим образом: текущая методология естественных наук является апостериорной; текущая методология философии является априорной» [22, р. 1].

¹⁷ «Основным методом академической философии является построение и оценка аргументов (т. е. доводов, предназначенных для обоснования какого-либо вывода)» [21].

¹⁸ «Небольшое повышение точности измерений может позволить ученым решать проблемы, которые ранее были недоступны, поскольку их данным не хватало достаточного разрешения. Аналогичным образом небольшие улучшения в общепринятых стандартах аргументации могут позволить философскому сообществу достичь обоснованного согласия относительно статуса многих других аргументов». [22, р. 7].

¹⁹ Шопенгауэр говорит о необходимости «гениальной интуиции» для философа, Бердяев – об «откровении» как начале философской теории. В современной литературе вопрос о двух типах философской работы подробно рассмотрен Р. Рорти [11].

К важнейшим постулатам испанского мыслителя относится убеждение в том, что исходной «радикальной реальностью» для каждого человека является его собственная жизнь. Лишь внутри этой реальности и в соотносённости с нею возможны все другие реальности – научные теории, религиозные откровения, художественные творения и т. д. Все эти (и многие другие) реальности *производны* от радикальной (коренной) реальности.

Аналогично этому можно считать все многочисленные разделы философского знания (онтология, гносеология, этика, эстетика, аксиология и т. д.) *производными* от исходной философской задачи – сделать жизнь человека счастливее. На первый взгляд кажется странным, что эти *производные* очевидно превышают по объёму исходное содержание. Но вообще-то так обстоят дела в любой области. Например, в финансовой сфере стоимость деривативов (производных ценных бумаг) может на порядки превышать стоимость первоначальных активов, на которых данные деривативы базируются.

Другое дело, что в этом процессе проявляется одна из базовых схем *упадка, вырождения* любого дела. Схема эта заключается в замене целей средствами. На практике это выражается в том, что для достижения какой-либо цели бывает необходимо разработать какие-то средства. Поэтому мы временно отвлекаемся от цели, сосредоточиваясь на средствах. Но часто оказывается, что для этих средств (которые в данный момент стали целями) нужно найти и приготовить свои средства (так сказать, средства *второго порядка*), а для этих средств – ещё средства, и т. д. И эта уводящая в бесконечность цепочка средств скрывает и заставляет забыть первоначальную цель.

Разрабатывая методологические, гносеологические, онтологические *средства*, философия часто теряет из вида свою главную, на наш взгляд, цель – понять человека и сделать его жизнь лучше. Поэтому Бердяев пишет: «Главный признак, отличающий философское познание от научного, нужно видеть в том, что философия познаёт бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, наука же познаёт бытие как бы вне человека, отрешенно от человека. <...> Философская антропология должна быть основной философской дисциплиной» [3, с. 24].

Будем помнить, что, жестко различая виды мышления, мы, конечно, совершаем упрощение, ибо говорим о науке, религии, философии и искусстве в их «чистом виде» как о некотором их идеальном образе. Реально же существующие науки, религии, философии, искусства – это не чистые, а смешанные формы. Это значит, что в каждой из них мы можем различать сущностное *ядро* и факультативную *периферию*. В реальной исторической практике каждая из сфер культуры существует по принципу «всё во всем» и содержит в себе черты всех других сфер. Например, религия помимо подготовки и свершения чудес столетиями формировала также и зна-

ние²⁰. И, конечно, важнейшей частью большинства религиозных учений остается объяснение, понимание устройства мира, объяснение причин человеческих бед, объяснение смысла человеческих несчастий, обоснование радостных перспектив будущей счастливой жизни. Так же обстоят дела с наукой, искусством, философией – все они характеризуются той или иной степенью синкретизма.

Эту же мысль можно выразить несколько иначе. Мы здесь описываем четыре вида мышления: научное, религиозное, художественное, философское. По своему содержанию эти описания являются «идеальными типами» (М. Вебер). Как именно эти идеальные типы сочетаются в конкретных исторических формах науки, религии, искусства и философии – это всегда вопрос конкретного исследования, так же как и вопрос о том, какими названиями эти виды работы обозначались и обозначаются в те или иные исторические периоды. В соответствии с веберовской методологией сами по себе идеальные типы не являются описаниями реальных объектов, однако *наличие* идеальных типов дает возможность описывать конкретные исторические формы объектов.

Если принять такой подход, то окажется, например, что значительная часть того, что называется «религией» (и на Востоке, и на Западе), состоит по преимуществу из философской деятельности²¹. Просто некоторые философские картины мира – те, в которых присутствует Бог, воздаяние, загробная жизнь, оказались чрезвычайно эффективными для преодоления страданий путем понимания. Поэтому для различения религиозного и философского путей преодоления страданий необходимо и достаточно ответить на вопрос: решается ли проблема *непосредственным* божественным вмешательством, или же всё делается самим человеком, пусть даже он при этом говорит и думает о Боге²².

Похожая терминологическая ситуация наблюдается в психологии, которую сегодня квалифицируют как науку. Однако, на наш взгляд, многое в психологической теории и практике – это философская работа. Конечно-

²⁰ Причем речь идет не только о теологии как знании о Боге. Скажем, в *Мишине*, священном иудаистском тексте, содержится огромное количество прагматичных знаний о том, как следует заниматься сельским хозяйством, готовить пищу, заботиться о чистоте и здоровье и т. д.

²¹ В реальной религиозной жизни философский способ преодоления страданий вообще очень распространен, возможно, он даже преобладает в сравнении с путем веры. Проведите такой мысленный эксперимент: у вас случилось какое-то несчастье (например, умер близкий человек), и вы обращаетесь за помощью к священнику. Следуя путем веры, священник мог бы сотворить чудо и воскресить умершего. Но, скорее всего, он изберет путь понимания и будет успокаивать вас, указывая на неизбежность и всеобщность произошедшего, а также станет утешать вас тем, что душа почившего сейчас счастлива в раю.

²² У Шестова есть свой критерий различения религии и философии: если вам советуют отречься, отказаться от своих желаний, то это точно не вера, а философия. Вера в Бога, по его убеждению, нужна для того, чтобы *приобрести* (приобрести невозможное). А для того чтобы *отказаться*, достаточно разума и мужества, т. е. достаточно философии.

но, речь идет не об экспериментальной психологии, а о традиционном для философии *исцелении и утешении словом*²³. Аналогично обстоит дело со многими гуманитарными науками, которые неокантианцы называли *науками о культуре*, а Дильтей – *науками о духе*. Значительная часть их содержания – это философская, интерпретаторская работа. Не случайно Дильтей выдвигает *герменевтику* на роль общей методологии гуманитарного познания. По его мнению, герменевтика выполняет для гуманитарных наук ту же функцию, что и экспериментально-математические методы в естествознании. Предметом наук о природе может быть не любое явление в мире, но только то, которое, в принципе, можно наблюдать и сосчитать (перевести его в математическую форму). Подобно этому предметом наук о духе может стать только то, что поддается интерпретации, только то, что имеет смысл и может быть понято.

Очевидно, что в науках об искусстве удельный вес понимания максимально велик, а теория искусства с необходимостью оказывается философским мышлением²⁴. Так что даже есть соблазн подбросить читателю какую-нибудь парадоксальную и провоцирующую фразу, например такую: «Философия искусства – это и есть философия по преимуществу»²⁵. Но мы этого делать, пожалуй, не станем. Значимость понимания велика и для всех исторических наук.

Разумеется, мы не предлагаем переименовать науки – психологию, историю, литературоведение, искусствоведение и другие – в философию²⁶. Мы просто напоминаем о той тривиальной истине, что в некоторых ситуациях важно осознавать суть того или иного занятия, а не останавливать внимание лишь на его имени.

Итак, резюмируем вышеизложенное в кратких тезисах.

Философия представляет собой один из четырех путей преодоления страданий, которые человечество выработало на протяжении своей истории.

²³ Например, в работах И. Ялома «Когда Ницше плакал», «Шопенгауэр как лекарство», «Проблема Спинозы» прослеживается как генетическая связь философии и психологии (в частности, развитие психоанализа Фрейда из философии Ницше), так и их концептуальное родство.

²⁴ Строго говоря, возможны, конечно, нефилософские исследования искусства. Они в основном имеют своим предметом *материальную, техническую* сторону искусства. См., например, работу М. Вебера о рациональных и социологических основаниях музыки [4].

²⁵ Кант задал парадигму философии, сделав трансцендентальное *сознание* единственным предметом философии. В начале XX века, совершая *лингвистический поворот*, философы аналитического направления поставили на место сознания *язык* и объявили исследование языка главной задачей философии. Однако, как мы указывали выше, вряд ли кто-то способен заранее определить то, чем *должны* или *не должны* заниматься философы.

²⁶ Хотя, как нам представляется сегодня, если бы Дильтей назвал науки о природе просто «наукой», а науки о духе – просто «философией», он внес бы большую ясность в этот вопрос.

Философия – это мышление, которое не представляет собой *подготовку* к практической деятельности, но само по себе *есть* практика.

Философия – это такое мышление, содержанием которого является понимание, а результатом – смысл.

Понимание – это трансформация знания из смутного и спутанного состояния в ясное и отчетливое.

Ясность знания достигается приданием ему определенных – исторически обусловленных – форм.

Эти формы – модели понимания. Существует множество моделей понимания.

Объекты философии ничем не ограничены.

Философское мышление и дисциплина «философия» (как учебная, так и научная) не совпадают.

Философское осмысление может осуществляться под разными «рубриками», например: наука, религия, искусство, повседневное мышление.

То, что создается, преподается и изучается под именем «философия», далеко не всегда характеризуется философским мышлением²⁷.

Литература

1. *Адо П.* Духовные упражнения и античная философия / пер. с фр. при участии В.А. Воробьева. – М. : Степной ветер; СПб.: Коло, 2005. – 448 с.
2. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1, ч. 1. Философия древности и Средневековья / Академия наук СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1969. – 576 с.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
4. *Вебер М.* Рациональные и социологические основания музыки // Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – С. 469–550.
5. *Виндельбанд В.* Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. – М.: Юрист, 1995. – С. 22–58.
6. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
8. *Кьеркегор С.* Страх и трепет: пер. с дат. – Изд. 2-е, доп. и испр. – М.: Культурная революция, 2010. – 488 с.
9. *Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М.: REFL-book, 1994. – 352 с.
10. *Розанов В.В.* О понимании. – СПб.: Наука, 1994. – 540 с.

²⁷ Хайдеггер пишет: «Так что философия фигурирует на рынках в разнообразных обманчивых видах или еще и надевает маски. То всё внешне похоже на философию, но на деле вовсе не она; то вовсе никакой видимости философии, но налицо именно она. Опознать ее может только тот, кто интимнейше с нею сроднился, т. е. вкладывает в нее все силы» [18, с. 38].

11. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.
12. *Станиславский К.С.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. Работа актера над собой. Ч. 1. Работа над собой в творческом процессе переживания: дневник ученика. – М.: Искусство, 1989. – 511 с.
13. *Тертуллиан К.С.Ф.* О плоти Христа // Тертуллиан К.С.Ф. Избранные сочинения: пер. с лат. / сост. и общ. ред. А.А. Столярова. – М.: Прогресс – Культура, 1994. – С. 161.
14. *Торчинов Е.А.* Введение в буддизм: курс лекций. – СПб.: Амфора, 2005. – 430 с.
15. *Торчинов Е.А.* Даосизм. «Дао Дэ Цзин». – 2-е изд. – СПб.: Азбука-классика: Петербургское востоковедение, 2004. – 256 с.
16. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
17. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
18. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Единичество / пер. с нем. В.В. Бибикина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 592 с.
19. *Харафи Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. – М.: Синдбад, 2020. – 520 с.
20. *Metcalfe T.* Philosophy and Its Contrast with Science: Comparing Philosophical and Scientific Understanding // 1000-word Philosophy: an introductory anthology. – URL: <https://1000wordphilosophy.com/2018/02/13/philosophy-and-its-contrast-with-science/> (accessed: 13.02.2023).
21. *Metcalfe T.* What is Philosophy? // 1000-word Philosophy: an introductory anthology. – URL: <https://1000wordphilosophy.com/2020/10/10/philosophy/> (accessed: 13.02.2023).
22. *Williamson T.* The philosophy of philosophy. – Malden, MA: Blackwell Publishing, 2007. – 332 p.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022.

Статья прошла рецензирование 04.12.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-11-34

WHAT IS PHILOSOPHY?

Kuzin, Vasily,

Cand. of Sc. (Philosophy), Professor,

Rector of the Novosibirsk State Theater Institute,

171/4, Krasnyi Prospekt, Novosibirsk, 630049, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7860-7927

v.i.kuzin@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the traditional theme – self-determination of philosophy. The author reveals the specifics of philosophy in comparison with other areas of spiritual culture – religion, art and science. The single basis for comparison is their ability to overcome human suffering. The named areas differ in that very ability, each of them helps to overcome suffering in its own special way. For science, the main means of solving life's problems is *knowledge*, for religion – *faith*, for art – *imagination*, and for philosophy – *understanding*.

Understanding in this article is considered as a movement towards clear knowledge, towards meaning, and at the same time as the result of such a movement as the achieved meaning. Knowledge clothed in certain, culturally given forms, seems understandable to us. We draw the basic models of understanding from our natural languages. Forms of judgments, cultural universals, and basic theories also give us forms of understanding. Among many forms of understanding, an important role is played by those forms and models that crystallize in the main philosophical categories, such as 'essence', 'whole', 'general', 'cause', 'purpose', etc.

The peculiarity of philosophical thinking is that understanding in it does not act as a means for further application, but as a direct action, practice. The achieved understanding in itself eliminates suffering and resolves life's difficulties. In this sense, philosophy as a whole is not a theory, but a practical exercise aimed at making human life happier.

According to the author, the described four ways of overcoming suffering are 'ideal types' (M. Weber). On the one hand, science, religion, art and philosophy in their historical practices can be characterized by this or that degree of syncretism. On the other hand, there are cases when the 'official rubric' of a particular sphere of culture and its content do not coincide: for example, philosophy is practiced under the name 'religion', scientific research is carried out under the name 'philosophy', and art is created under the name 'science'.

Keywords: philosophy, science, religion, art, understanding, faith, imagination, philosophical categories, meaning.

Bibliographic description for citation:

Kuzin V. What Is Philosophy? *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 1, pt. 1, pp. 11–34. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.1-11-34.

References

1. Hadot P. *Exercices spirituels et philosophie antique*. Albin Michel, 2002 (Russ. ed.: Ado P. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya*. Moscow, Stepnoi veter Publ., St. Petersburg, Kolo Publ., 2005. 448 p.).
2. *Antologiya mirovoi filosofii*. V 4 t. T. 1, ch. 1. *Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya* [Anthology of world philosophy. In 4 vols. Vol. 1, pt. 1. Philosophy of antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. 576 p.
3. Berdyaev N.A. *O naznachenii cheloveka* [About the appointment of a person]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p.
4. Weber M. Ratsional'nye i sotsiologicheskie osnovaniya muzyki [The Rational and Social Foundations of Music]. Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Select. The image of society]. Moscow, Yurist Publ., 1994, pp. 469–550. (In Russian).
5. Windelband W. Chto takoe filosofiya? (O ponyatii i istorii filosofii) [What is philosophy? (On the concept and history of philosophy)]. Windelband W. *Izbrannoe. Dukh i istoriya* [Selected. Spirit and history]. Moscow, Yurist Publ., 1995, pp. 22–58. (In Russian).
6. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty*. Ch. 1 [Philosophical works. Pt. 1]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 612 p. (In Russian).
7. Deleuze G., Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, Editions de Minuit, 1991 (Russ ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 288 p.).
8. Kierkegaard S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2010. 488 p. (In Russian).
9. Nietzsche F. *Volya k vlasti: opyt pereotsenki vseh tsennostei* [The will to power: the experience of reassessing all values]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 352 p. (In Russian).
10. Rozanov V.V. *O ponimani* [About understanding]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 540 p.
11. Rorty R. *Contingency, Irony and Solidarity*. Cambridge, 1989 (Russ. ed.: *Sluchainost', ironiya i solidarnost'*. Moscow, Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo Publ., 1996. 282 p.).
12. Stanislavskii K.S. *Sobranie sochinenii*. V 9 t. T. 2. *Rabota aktera nad soboi*. Ch. 1. *Rabota nad soboi v tvorcheskom protsesse perezhivaniya: dnevnik uchenika* [Collected works. In 9 vols. Vol. 2. An actor's work on himself. Pt. 1. Work on oneself in the creative process of experiencing. Student diary]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 511 p.
13. Tertulliani Q.S.F. O ploti Khrista [On the Flesh of Christ]. Tertulliani Q.S.F. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Moscow, Progress – Kul'tura Publ., 1994, p. 161. (In Russian).
14. Torchinov E.A. *Vvedenie v buddizm: kurs lektii* [Introduction to Buddhism: A course of lectures]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2005. 430 p.
15. Torchinov E.A. *Daosizm. «Dao De Tszin»* [Taoism. "Tao Te Ching?"]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004. 256 p.

16. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [A person in search of meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (In Russian).
17. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p. (In Russian).
18. Heidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – Konechnost' – Oдиночество* [Basic concepts of metaphysics. Peace – Finiteness – Loneliness]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2013. 592 p. (In Russian).
19. Harari Yu.N. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A Brief History of Humankind]. Moscow, Sindbad Publ., 2020. 520 p. (In Russian).
20. Metcalf T. Philosophy and Its Contrast with Science: Comparing Philosophical and Scientific Understanding. *1000-word Philosophy: an introductory anthology*. Available at: <https://1000wordphilosophy.com/2018/02/13/philosophy-and-its-contrast-with-science/> (accessed 13.02.2023).
21. Metcalf T. What is Philosophy? *1000-word Philosophy: an introductory anthology*. Available at: <https://1000wordphilosophy.com/2020/10/10/philosophy/> (accessed 13.02.2023).
22. Williamson T. *The philosophy of philosophy*. Malden, MA, Blackwell Publishing, 2007. 332 p.

The article was received on 03.10.2022.

The article was reviewed on 04.12.2022.